

Николай ПЛАХОТНЫЙ

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Николай Плахотный

Великая смута

«ИТРК»

Плахотный Н. Ф.

Великая смута / Н. Ф. Плахотный — «ИТРК»,

С откровением и доверительностью в книге описываются встречи и беседы с разными людьми, повествуются новые и малоизвестные факты, в том числе и из современной истории России. Автор в своих рассказах раскрывает внутренний облик русского человека, делится своими выводами и оценками, надеясь убедить и согласиться с ним читателей.

© Плахотный Н. Ф.

© ИТРК

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ВЕЛИКАЯ СМУТА	7
МОНОЛОГ БЕЖЕНКИ	7
КРЕСТ НЕУДОБОНОСИМЫЙ	9
БЕДА БЕДУ БЕДОЙ ПОКРЫВАЕТ	11
ЖИВЕМ, КАК В ТУМАНЕ	15
ЛИТУРГИЯ С КУЛАКАМИ И КАЙЛАМИ	19
ЦВЕТОЧНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ	21
ИСПОВЕДЬ «ОККУПАНТА»	23
ПАЧЕ ЧАЯНИЯ	25
КУДА МОЛДАВАНИНУ ПОДАТЬСЯ?	29
ЗА КУЛИСАМИ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Плахотный

Великая смута

ОТ АВТОРА

Отойдя от оперативной журналистики, я предпринял попытку системного анализа развала СССР и последующих затем событий. Но не с высшего, так сказать, не с кремлевского уровня, а на основе фактического материала о жизни людей, их переживаний и даже трагедий

многих из них по причине разрушенных связей и отношений. Это доступно, не закамouflировано.

И главное – достоверность материала, подтверждаемая живыми еще свидетелями и участниками той великой смуты.

ВЕЛИКАЯ СМУТА

*Какой же смысл в движение этом?
Зачем вся эта трата сил?*

Федор Тютчев

МОНОЛОГ БЕЖЕНКИ (Расшифровка с аудиокассеты)

– Вы не представляете, из какого ада вырвались мы.

Слезы градом брызнули из глаз моей собеседницы. Я тоже почувствовал неладное. К горлу подкатил горячий комок: не проглотить, не выдохнуть. Какое уж тут, извините, интервью. Позабыл о диктофоне. Не перебивая, слушал одиссею семьи Саркисян, оказавшейся меж двух, точнее меж трех огней.

– Жили мы среди гор, в печально известном Карабахе, на родине мужа. Селение называется Ленинаван. Работали в совхозе. Имели свое хозяйство: дом, кусочек земли, огород с виноградником. Трудились в поте лица. Тихо радовались жизни.

В одну ночь все рухнуло.

Проснулись от страшного грохота. Полуголые выскочили на улицу. Никто ничего не поймет. Может, конец света? Или землетрясение? Мужчина в военной форме шепнул Серго: «Со стороны Азербайджана движутся войска». Война! С чего бы? Зла мы никому не причинили. Жили тихо. Даже слишком тихо. Возможно, это и дало кому-то повод для нашествия.

Военный оказался прав. На рассвете пришли танки. Над головами с диким ревом носились самолеты и похожие на драконов вертлявые вертолеты. На выезде из села возникли блокпосты. Свободными оставались лишь тропинки. Когда стемнело, люди потянулись в горы. Накануне страшные морозы ударили. Счастливчикам достались пещеры. Остальные как звери забивались в сугробы. Костры боялись разводить, чтобы себя не обнаружить.

Больные, слабые не выдерживали – коченели, погибали. Их тела присыпали снегом, с боков подваливали камни. Оставшиеся в живых думали: наступившая ночь и для них будет последней.

С группой смельчаков стали выбираться из окружения. Трое суток как архары карабкались по скальным тропам, по глубокому снегу. Ночью нас подкараулила волчья стая. Если б не смоляные факелы, звери нас растерзали бы. В ту ночь я и поседела.

Под вечер запахло человеческим жильем. Внизу виднелись домики осетинского аула. От волнения силы окончательно иссякли, ноги онемели. У одного товарища был дробовик. Выстрел услышали. Нас на руках вынесли из снежного плена. Обогрели, накормили. Только потом осторожно спросили: кто мы? откуда? куда путь держим?

В чабанской семье у Сулико прожили несколько дней. Хозяева уговаривали: «Оставайтесь здесь до весны». Не хотелось чужим людям в тягость быть, злоупотреблять гостеприимством. Тогда всю нашу группу (шестнадцать человек) они одарили продуктами, дали кое-какую одежку. Помогли спуститься в долину. Дальше мы двигались сами, на свой страх и риск. Часть ушла в Карачарово. Мы же решили вообще покинуть Кавказ.

Семья наша интернациональная. Муж мой Серго – армянин, я – гагаузка. Моя родина Молдавия. В Вулканештах остались мои родители. К ним и поехали. Все, какие имели деньги,

потратили на билеты, сами жили на подаяние. Две недели тянулось путешествие, а казалось, что всю жизнь так, на колесах.

С грехом пополам добрались до своих. Не успели дух перевести, в Молдове началась своя заварушка. Их премьер по фамилии Друк огнем и мечом приводил в чувство непокорных гагаузов, которые с дури возмечтали о суверенитете. Бывало, ночью глаз от стрельбы не сомкнешь. Хотелось одного: тишины, тишины.

Как нас родители не отговаривали, решили сменить местожительство. За ориентир взяли Калужскую область. Почему? Дело в том, что после учебы в Тимирязевской сельхозакадемии Серго получил направление на работу в село Середнинское. Тут мы и познакомились. Судьбе, видно, угодно было, чтобы мы возвратились туда, где зародилась наша любовь.

Никто нас здесь не ждал, но встретили словно родных. Заново пришлось обзаводиться домашним хозяйством – с чашек, с плошек, с кастрюль. О комфорте пока и не мечтаем. У крестьян поговорка есть: «Были б кости, а мясо нарастет». У меня и Серго работа по специальности. Он инженер в совхозе, я работаю медсестрой на станции «Скорой помощи». Осталось детей поставить на ноги и дожидаться внуков.

Никогда не забыть день второго пришествия на калужскую землю. Привезли нас на станцию Балабаново, на попутке добрались до Середнинского. Выгрузили у ворот наши жалкие пожитки. Но почему-то не торопилась я их разбирать. Захотелось одной побыть, среди природы. Через несколько минут оказалась в лесу. Шагаю извилистой тропинкой, слушаю птичью симфонию. И так мне было на сердце спокойно. Вдруг среди высокой травы заметила голубой огонек. Что еще за чудо? Оказалось, незабудочка. Я уж и позабыла, что существует такой удивительный цвет. На юге почему-то он не растет. Можно сказать, это символ России. Я не сентиментальная, а тут на меня оторопь нашла. Опустилась перед стебельком на колени и поцеловала голубой букетик. Сразу ж будто камень с души свалился. Домой вернулась веселыми ногами.

Пока мы беседовали, слезы на лице Федоры высохли. Глаза светились лучистой голубизной. Хозяйка проводила меня до поворота. Пожелала доброго пути. А я ей счастья на новом месте.

КРЕСТ НЕУДОБОНОСИМЫЙ

Точной нет статистики. Приблизительно известно: по России бродят от 12 до 15 миллионов неприкаянных наших соотечественников. Власти фарисействуют, клянутся народу в любви, лепечут о каких-то гражданских правах и обретенных свободах. Горемык же год от года прибавляется. Бездомные, обездоленные устраиваются кто как может. Редко – у родных и близких. Чаще – в приспособленных для жилья концентрационных лагерях, в полевых вагончиках, просто в палатках. И это считается еще за благо. Ведь масса таких, которые гнездятся в готовящихся к сносу зданиях, подвалах, кладбищенских склепах, в канализационных люках, а то просто под открытым небом, на скамьях парков культуры и отдыха.

По казенной табели беженцы подразделяются на две основные группы. Подавляющее число – нелегалы, дикий контингент, всякая нечисть. Не приведи Господь оказаться в этой буче. Ибо снимаются с места под страхом преследования, опасаясь за свою жизнь. Уходят семьями, бегут в одиночку. Ведь часто и минуты нет, чтобы заранее побеспокоиться о подорожных документах. Вырвавшись из огня, бедняги попадают в полымя. Наша родная милиция (ФСБ) встречает беглецов взглядом исподлобья. Не подымая шума, их отлавливают, манежат в «обезьянниках», выпытывают нужные сведения, после чего этапным порядком высылают туда, откуда явились. Второй разряд – вынужденные переселенцы, коим посчастливилось раздобыть филькины грамоты. Наспех состряпанные «справки» тоже не гарантируют их обладателям достойной жизни на новом месте. И все же какое ни на есть, но прикрытие.

Взбаламученное мирское море издали кажется спокойным. Его неистово бурунит на погранично-таможенных перекатах; оно вскипает словами и слезами в приемных переселенческих конторах. Иногда встречаются омуты с зеркальной поверхностью. Но сказано: в тихой воде черти водятся.

Человеческие потоки в России исстари центростремительные. На подступах к Москве гонимые ударяются о полосатый шлагбаум, именуемый 101-й километр. Магическую черту пересекают избранные: у кого тугой кошелек или есть надежный покровитель. Менее удачливые оседают в дальнем Подмосковье. Остальные поворачивают – кто на север, кто на восток или запад.

Марию Кузьминичну Фомину и ее домочадцев занесло в старинный Боровск из Прибалтики, когда с обретением иллюзорной свободы там начались гонения на русских.

– Сколько лет уже, со счета сбились, живем как на вокзале. Прибытие нашего поезда все почему-то откладывается, – с горькой иронией говорила дочь ее Валентина Федоровна, врач-стоматолог.

Чувствовалось, разговор ей неприятен да и на работу торопилась. Оставила нас с матушкой наедине – копаться в их семейной истории.

Можно сказать, Латвия – их вторая родина. Для Валентины Федоровны – просто родина. В городке Огре она родилась, выросла, обзавелась семьей. Отец же во время Великой Отечественной на этой земле кровь свою пролил. Здесь были ожесточенные бои, их рота потеряла треть личного состава.

День Победы комбат Фомин встретил в Берлине. В июле демобилизовался. Бравый офицер уже заказал билет в Ленинград, где его ждала молодая жена, пережившая блокаду. Планы спутал случай. Благодарные жители Огры разыскали своего освободителя и направили в его дивизию официальное письмо: «Согласно решению горсовета, мы уполномочены вручить вам, почетному гражданину города, ордер на квартиру, плюс подъемные для оплаты дорожных расходов вашей семьи из любой точки Советского Союза». Так-то даже в трудную пору у нас дела делались.

Более сорока лет прожили Фомины на латвийской земле. Накануне великой смуты, в 1989-м ушел из жизни почетный гражданин Огры. Вдова его была уверена, что и свой смертный час встретит под крышей родного города. Но судьба распорядилась иначе.

Тактично коснулась Мария Кузьминична «наболевшей болячки», как из оседлых граждан превратилась в кочевников.

– Мы жили исключительно семейными интересами. Политикой не увлекались. И все же когда в девяностом году по всей Прибалтике началось непонятное (!) брожение, мы проявили солидарность – стали на сторону недовольного властью народа. Ходили на митинги, держались за руки в известной «живой цепочке». Короче, вели себя гражданственно. Но едва угар от победного салюта рассеялся, для русских наступило горькое похмелье. Отношение резко переменялось. «Оккупанты» – не самое бранное слово, которое нам сперва бросали в спины, затем и в лицо. Русским угрожали, выкуривали с работы, не брали даже в пожарники. Как странно, однако, все перевернулось. С ближнего и дальнего зарубежья на нас подули злые ветра.

Собеседница зябко повела плечами, хотя в комнатухе было жарко и душно.

– Мы потеряли все, – продолжала Мария Кузьминична. – Но не столько жальжитого, как утраченную веру в добропорядочность и справедливость. Достигнув желаемого, новые хозяева Латвии сразу же переменили лозунги и штандарты. Благодарю Бога, что муж не дожил до позора. У дочери сразу же возникли проблемы с работой. Зятю (кузнец-художник) фирма прислала открытку: «Уведомляем, что в ваших услугах больше не нуждаемся». Все на западный манер: вежливо, но убийственно. Чего еще оставалось нам ждать? Выстрелов? Голодной смерти? Мы оставили злым правителям все. Сами перекочевали в Россию. Видно, таков уж наш крест.

Следом поведала библейскую притчу. Судьи вынесли смертный приговор христианину за его неотступную верность Христу. Заодно выдали крест, который он должен был нести на себе к месту казни. Путь был в гору, по солнцепеку. Намучился несчастный. На остановке испросил у стражника разрешение заменить «неудобную ношу». Благо, на обочине валялось много бесхозных крестовин. Стал примерять, но все не по плечу. Наконец один нашелся, будто по заказу сбитый. Страдалец взгромоздил махину на спину и вприпрыжку побежал догонять свою колонну. Конвойный, наблюдавший сцену со стороны, грустно улыбнулся. Ведь бедняга вновь выбрал прежний свой крест, к которому уже успел привыкнуть, притерпеться.

Да, каждый должен нести свой крест до конца. В том есть своя мудрость. И житейский расчет.

БЕДА БЕДУ БЕДОЙ ПОКРЫВАЕТ

С точки зрения беженцев, в России немало хлебных мест. Калужская губерния в первом ряду, хотя златной ее не назовешь.

С начала смуты в этот край прибыло более двадцати пяти тысяч незванных новоселов – официально зарегистрированных. Неучтенных в пять-шесть раз больше. В результате плотность населения в этом регионе (на один квадратный километр) увеличилась на 7,4 человека. Прирост небывалый за всю историю. И это на фоне увеличивающейся смертности среди постоянно проживающего населения.

Многие возвращаются на свою историческую родину, которую некогда покинули, погнавшись за длинным рублем или же исполняя служебный долг. В общем, современный вариант старинного сюжета о блудных сынах и дочерях.

А вот как объяснил притягательность своей земли руководитель миграционной службы Калужской области С. Астахов:

– Сказывается склонность русских к коллективизму, к соборности. Оглянитесь-ка назад. В роковые моменты истории, когда над Отечеством нависала угроза целостности, народ инстинктивно стекался к стогнам «белокаменной». Как те цыплята. Едва в небе появится коршун, бегут под материнское крыло.

Исторические обстоятельства, народные традиции, конечно, много значат. Но не следует сбрасывать со счета и личностный фактор. От беженцев-лишенцев я слышал немало добрых слов в адрес Астахова. Станиславу Евдокимовичу пригодился не только прошлый опыт партаппаратчика, но и собственная горькая судьба. Был он пленником вермахта. В 1941 году, когда Астахов под стол пешком ходил, многодетную семью ушедшего на фронт солдата оккупанты вырвали из родной почвы с корнем и угнали в Германию. Три года с лишком ишачили русские рабы на барона фон Бауха. Все, что пережил крошка-узник на неметчине, переплавилось в душе и стало сущностью его характера, натуры. Главная черта – душевность, доброта без расчета на благодарность и компенсацию. Человеческое горе неразборчиво, от него не застрахованы ни белые, ни красные, ни зеленые... Уже на склоне лет Астахов понял: историю творить легче, чем дать кров или приютить бездомного, убогатворить страждущего.

По служебной надобности несколько дней провел я в переселенческой конторе. Побывал в местах сосредоточения мигрантов – в общежитиях, таборах. Видел и поселки с коттеджами, в которых получили прописку вчерашние беженцы.

На задах сельца Русиново вырисовалась целая улочка новостроек. Домами их пока не назовешь. На одном горбатились стропила, на соседнем дело дальше фундамента не пошло. А кто-то был близок уже к новоселью.

Из неостекленной веранды на крыльцо вышел хозяин. По виду человек городской, хотя в рабочей спецовке Андрей Васильевич Чернопазов переменил на старости лет не только образ жизни, но и профессию. Стал строителем собственного дома. Хотя три года назад являлся профессором в одном престижном вузе Алма-Аты, где верой и правдой служил 35 лет. Жизнь пришлось начать с нуля.

– Ничего, выдюжим! – проговорил мой сверстник с твердостью. – Жаль тех, кто не по своей воле там задержался. Но националисты их все равно выкурят. Такая там теперь государственная политика. Лично мне, к примеру, в вину ставилось то, что курс физики твердых тел я преподавал по русской методике. Смешно? Русское у них там ассоциируется с советским. До таких силлогизмов не дошли даже обскуранты средневековья.

С языка сорвался логичный вопрос: «Зачем нужно было ехать так далеко? Рядом же Омская область, Алтай».

Был ответ:

– А вы уверены, что суверенитетная лихоманка на том рубеже и закончится? Близок черед распада России.

Мрачный прогноз. Но пора б стать нам уже реалистами. Все очень напоминает то, что случилось с Советским Союзом. Ведь держава и тогда казалась нерушимой до последнего момента. Да вдруг рвануло. Те, кто в Беловежской пуще под хмельком, играючи включили адскую машину, теперь на людях придуриваются, разводят руки: «Да мы что! Да мы ничего! Союз же сам распался. Мы только „констатировали“ свершившийся факт».

Ста-а-рая песенка. Бывало, певали ее наши бабушки и дедушки. Речь, помнится, шла о прохиндее, попавшемся на воровстве, с поличным. Но жулик, бия себя в грудь, клялся-божился: «И я – не я! И лошадь не моя! И извозчик не я!» Нынешние государственные преступники всячески отрекаются от содеянного: юлят, изворачиваются, прикидываются простачками. Все это до поры, до времени. Будет суд. И спрос будет строгий. Каждому воздастся по делам.

Оглянемся назад без гнева, без пристрастия. Ведь все затевалось ради счастья и благоденствия россиян, якобы настрадавшихся и натерпевшихся от советской власти. Перспективы были радужно-голубые. Стратеги перестройки обещали народу индивидуальные, едва ль не царские чертоги и райские кущи. И все это должно было свершиться через два-три года. Называлась даже точная цифра: 500 дней и ночей. Самое же главное: переход из царства мрака и нищеты в новую жизнь должен быть тихим, мирным, бескровным. На последний тезис обращалось особое внимание. Был провозглашен лозунг ясный и однозначный: «Конец тоталитаризму!». Тогда же подчас безо всякого повода и резона политики цитировали по несколько раз на дню Ф. М. Достоевского: дескать, социальные потрясения не стоят и одной слезинки ребенка. А тут, как на грех, при странных обстоятельствах погибли трое защитников Белого дома – Владимир Усов, Дмитрий Комарь, Илья Кричевский. Их имена занесли в стоимиллионный список жертв сталинского режима. Борис Ельцин со слезами во взоре испросил у убитых горем родителей прощение, что не смог защитить, уберечь их сыновей. По всему выходило: о чем мечталось, сбывается.

Старое вытеснялось новым. Развалу Союза предшествовали незначительные, на первый взгляд, вздорные выходки хулиганствующих элементов. Чекистам ничего не стоило ногтем раздавить зудящих паразитов. Когда же те в порядке собственной инициативы вознамерились было призвать шушуру к порядку, как из центра последовал грозный окрик: «Не замай!» И никаких по сему комментариев или разъяснений. Туманно намекалось: такова вроде бы особенность исторического момента.

Помню, начальник Тульского УВД Николай Васильевич Панарин, по прозвищу «Волкодав», разоткровенничался у себя в кабинете:

– Не пойму, откуда ветер дует Того не бери, того вообще не трогай, а этого сегодня же выпусти.

– Кто ж эти неприкасаемые? Наверно, чадушки родные больших начальников?

Старый служака нехотя приоткрыл завесу:

– Золотую молодежь мы и прежде не трогали, даже оберегали. Теперь же вообще цацкаемся с урками, с прожженными бандюками. Что явно не спроста. Какую-то школу они замышляют.

С полковником знакомы мы были давно. Я спросил напрямик, кого имеет он в виду. Хозяин кабинета рубанул с плеча:

– Да вон тех, которые сидят за спиной Ленина.

Так туляки называли ранее работников обкома КПСС, здание которого стояло позади памятника вождю мирового пролетариата. Вскоре сюда водворилась администрация Тульской области. Глава ее (некто Севрюгин) первым в постсоветское время провозгласил себя губернатором. И очень своим самозванством гордился.

Разговор в управлении внутренних дел послужил толчком для серьезного журналистского расследования. К делу подключилась когорта из местной пишущей братии, собкор газеты «Труд» Владимир Городецкий. Общими силами раскопали криминальный гадюшник, который опекал сам губернатор.

Меня заинтересовала не столько финансовая сторона, а человеческий фактор: как в действительности происходило перерождение личности. Для начала пошел в Тульский госархив, куда перекочевали личные дела номенклатурных партаппаратчиков, хранившиеся в сейфах за семью печатями. Нашлись единомышленники-бессеребряники. Щелкнул секретный код – двери распахнулись. Я с головой погрузился в бумажную пучину.

По мере распутывания вырисовывались черты карьериста – двурушника. Шел он к намеченной цели, словно тяжелый танк по головам.

В захудалом совхозе работал заурядный зоотехник. Однажды судьба дала ему шанс: на безрыбье организовал Н. для областного начальства великолепную уху. Заурядная пьянка на берегу положила начало политической карьеры.

Через полгода коммунисты избирают Н. секретарем парткома. Дальше покатило будто по накатанной колее: второй, затем и первый секретарь уже райкома! Круг знакомств день ото дня расширялся, ответственность соответственно возрастала. Теперь уж тов. Севрюгин устраивал рыбалки и охоту с возлияниями вкупе с банкетом, со стриптизом (в специально для того построенной резиденции) не только для местного начальства. В укромный уголок на психологическую разрядку везли важных «птиц» из Москвы. Хозяин ни разу не ударил в грязь лицом. Пьянки-гулянки удавались одна лучше другой.

Районный кокон стал для Севрюгина тесен. Обком партии забирает его в Тулу, сажает в кресло начальника управления сельским хозяйством. Обласканный выдвиженец три года правил отраслью и довел ее до ручки. Область с 19 стабильных центнеров сбора зерновых с гектара скатилась до позорного уровня – восемь с половиной. Тогдашний партийный босс Юнак принародно оценил деятельность банкетных дел мастера в двух словах: «Полный провал!»

Листал я пожелтевшие и свежие страницы личного дела и диву давался. Карьера Севрюгина – цепь непрерывных – явных! – неудач на хозяйственной ниве. Куда бы ни направляла его партия, он блестяще губил дело. И то еще полбеда. Едва появлялся он на новом месте, коллектив (территорию) начинало изнутри трясти, лихорадить. Чиновный аппарат раздирали склоки, обуревали интриги. Людям было не до работы. Да и прозвище у него было подстать – Змей Горыныч. Однажды мелькнула нелепая догадка: не нарочно ли подрывал он народное хозяйство? Стране, народу тайно и хитро вредил. Я поделился догадкой с коллегами – все, как один, согласились.

В начале 1980-х Севрюгин стал терять высоту. Под белые руки – на вицах – переводят проштрафившегося в образцовый Ленинский район. Сажает в уготованное кресло председателя райисполкома. Это временный отстойник, по армейским понятиям, штабной резерв, откуда проштрафившихся, после некоторой выдержки, пускают в новый оборот. Этот же случай вообще был из ряда вон.

Через год преуспевающий район было не узнать. Поля оскудели. Резко пала продуктивность ферм. Жизнь хирела. Упадок сопровождался грызней, склоками на всех уровнях. Люди, что называется, собачились. В разные инстанции стаями летели жалобы, кляузы, разоблачительные анонимки. Одна комиссия сменяла другую, результат же нулевой. Главное – нельзя было понять, откуда дует злобный ветер. Подозревали, что гонит волну сам Севрюгин. Однако явных улик не было. Тем более что поговаривали: у Николая Васильевича в Москве сильная рука, потому с ним лучше не связываться. Для острастки все же еще разок понизили в должности: отдали в управление (на растерзание!) богатейший пригородный совхоз «Саженец». Тут Севрюгин и застал августовский путч. На третьи сутки Николай Васильевич самопровозгласил себя губернатором.

Фискалы донесли своему господину: столичный журналист копается в его архиве. Меня подняли на ноги среди ночи и чуть свет привезли в губернаторскую резиденцию. Разговор был с глазу на глаз, почти приятельский. Беседовали о разных разностях, в том числе о моих склонностях, пристрастиях. И вдруг – будто боксерский апперкот – вопрос: какое у меня впечатление от прочтения его личного дела?

В моей папке находился заранее включенный диктофон. От начала до конца наш кабинетный диалог был зафиксирован на пленке. А через несколько дней переключался в газетную статью. Так что дальше я цитирую сам себя:

«– И какой же она (биография) вам показалась?

– Противоречивое оставила впечатление.

– Честно скажу: только теперь познал я вкус к руководящей работе. А до того, – последовала короткая пауза. – До того без вдохновения тянул служебную лямку.

– Догадываюсь. Вы не хотели сотрудничать с советской властью? Вам это было противно?

– Можно сказать, да. Я давно понял: это лишняя трата сил.

– При всем этом оставались командующим. Вели за собой массы. Люди вам доверялись, верили. Вы же их, мягко говоря, вводили в заблуждение. Вот это и есть то самое противоречие. По-моему, в этом есть что-то.

Севрюгин заерзал в кресле, сильно хлопнул ладонью по столу.

– Вы мне политику шьете. Не надо! Вот уже где она у меня, политика! – и ребром ладони провел по горлу. (Газета «Труд», 24 октября 1992 г.)»

После выхода в свет статьи «Пар из тульского самовара» Севрюгин три дня не появлялся на работе из-за «медвежьей болезни». Ждал реакции Кремля. Позвонил помощник Ельцина и успокоил: «Продолжайте работать».

Но пресса тогда еще имела убойную силу. Кресло под самозванцем закачалось. Последовал арест. Затем долго, с перерывами тянулся нудный суд. Приговор: пять лет (условно!), учитывая прошлые заслуги имярек перед Отечеством и народом.

ЖИВЕМ, КАК В ТУМАНЕ

Теперь это уже не гипотеза, а аксиома. Преступные элементы разных мастей и рангов способствовали прямо или косвенно политической дестабилизации общества. Иначе говоря, расшатывали его основы. Как ни странно, все это было на руку рвущейся к власти терпеливой оппозиции.

Многое уже поистерлось в памяти, потускнело, исказилось в масштабе и последовательности событий. Первыми жертвами «нового курса», помнится, были турки-месхетинцы. Не оказав местным головорезам решительного сопротивления, они без боя уступили свои дома, квартиры, имущество, рабочие места и «организованно» подались в Россию. Осели в глубинке.

Немного погодя зачало в Сумгаите, где тоже было пролито много крови. В основном невинной. Жертвами уголовников на сей раз стали исключительно русские. Многие калужские предприятия были связаны хозяйственными узами с трудовыми коллективами Азербайджана, поэтому охотно предоставили изгнанникам кров и пристанище.

Еще живы были советские нравы, которые вскоре освистали на все лады. А тогда беженцев встретили бравурной музыкой. Прямо с вокзала повезли в старинный Воротынский. В один день население городка увеличилось на 56 семей. Пришельцев разместили в гостинице, пансионатах и пионерлагере. Трудоспособных с ходу трудоустроили. Большинство получило работу по специальности на машиностроительном заводе. Нашлись также места учителям, медикам и культработникам.

К азиатскому и кавказскому ЧП народ наш отнесся как к странному недоразумению. В каком-то смысле черныбыльский вариант. Все были уверены: власть во всем досконально разберется и примерно покарает виновных. После чего изгнанники со спокойной душой вернутся к своим очагам.

Вопреки ожиданиям, «меры» не были приняты. Бесчинства по окраинам Союза продолжались. Мордобои, поножовщина, стрельба, разборки, грабежи среди бела дня стали обычными в нашей жизни. К ним привыкали. Они же плавно (и планоно) перерастали в вооруженные конфликты. Причем, уже с характерными военными признаками: разрушение городов и сел, общая неразбериха, гибель людей, главным образом мирного населения. Вторая составляющая любой войны – беженцы. Их поток год от года все мощнее. В основной массе он состоит из братьев-славян. Появились основания для вывода: это отнюдь не спонтанные каверзы неуживчивых аборигенов, а управляемая издали стратегия мировой канцелярии. Чего ее боссы и смазливый клерк от нас хотят, чего, собственно, добиваются? Разумеется, любви. Хи-хи!

Проблема весьма скользкая. Непопулярная. Политики, равно как и служители богини Клио, всячески обходят ее стороной. Приподыдем же хоть уголок завесы.

У русофобии давнишняя предыстория. Исчисляется она веками, а не октябрем 1917-го года датируется, как это хитро нынче пытаются втемашить в разжиженные обывательские мозги пиарщики нового мышления. Власть норовит искоренить из народной памяти социалистические привычки, вышибить из сознания советский дух, дабы приобщить вчерашних «совков» к западной цивилизации, к капиталистическим порядкам. Промеж обтекаемых слов протаскивается гнусная мыслишка: за ради лучезарного завтра стоит-де народишку еще потерпеть, малость пострадать, кое-чем пожертвовать. Пошлый, до боли знакомый мотив.

Скоро двадцать лет уже тянется содомская круговерть под кодовым названием «перестройка». Разжиревшие на «месячинах» и взятках чиновники новой формации, прошедшие переподготовку на спецкурсах за океаном – экранно, эфирно, печатно, – изо дня в день убеждают свою паству: по статистике, жизненный уровень народа имеет-де тенденцию к росту. Типун на язык.

Живем, как в тумане. Сместились ориентиры, перепутались идеалы и человеческие ценности. В головах сумбур, в душах неразбериха. Парализована воля. В мышцах оцепенение. Бредем бездорожьем, без цели, в унынии, подхлестываемые скачущим курсом иноземных дензнаков. Порой мне кажется, вижу Россию не в образе летящей гоголевской птицы-тройки, а в виде курицы-рябы, которой с налета ударил в зад шквалистый ветер. Распушившийся веером хвост превратился в неуправляемый парус. Со стороны забавно и смешно. Бедняге птице, право, не до шуток. Воздушный поток несет ее словно мусор, будто ветошку.

Нынешнее положение нашей, в недавнем прошлом великой державы как бы не хуже куриного. Не прибавляет россиянам ни куража, ни национальной гордости даже двуглавый орел, взятый напрокат у царской династии Романовых. Несмотря на заливчатый вид и наличие в распростертых лапах величественных символов самодержавия, общее впечатление, согласитесь, карикатурное, искусственное. По современной фольклорной версии, это цыпленок табака после соответствующей термической обработки.

Таков ходячий анекдот. Народ шутит, значит дела его действительно уже плохи.

Косоглазые хитрованы уверяют нас в том, что обрушившиеся на головы россиян «реформы» чуть ли не небесного происхождения. Краснобаи, горазды врать-то! Еще Макиавелли предупреждал «электорат»: дорвавшиеся до трона самозванцы во все горло кричат, будто посланы богом.

Бога-то хоть оставьте в покое. О какой тут судьбоносности речь. Глянем на вещи здраво, без мистики. Пресс-формы скрижалей, на коих второпях нацарапан план «перестройки» всего уклада жизни русского общества, был, как теперь выясняется, даже не российского происхождения. Чекан далеко – за горами, за морями. В тех тайных скрытиях есть, наверняка, и кое-что похлеще. Рано или поздно злые ковы вылезут наружу непременно.

С незапамятных пор на Западе витает отрицательный образ России. Истоки неприязни лежат в толщах средневековья, совпали с великими географическими открытиями. Недруги косились на Русь. Под разными предлогами они пытались ее оккупировать, в основном, по их заявлениям, из гуманных соображений. Добра нам хотели.

Перекинем назад листки календаря. Что видим? Точнее – кого? Четко вырисовывается фигура Наполеона Бонапарта. Как просвещенный гуманист ставил он задачу великую и великолепную. То была попытка приобщения «полудиких славян» к цивилизованному европейству. Сам выходец из Корсики, он сквозь толщу времени предвидел: Россия может стать родиной большевизма, чего он, как император, ни умом, ни сердцем не желал. Ну и принял предупредительные меры. Номер, как говорят коверные клоуны, не прошел. Теперь натовские генералы с досады кусают ногти.

Да ведь и Гитлер, предпринимая роковой поход на восток, в принципе, хотел того же. Несколько скромней были намерения у его соотечественника Вильгельма, затеявшего в четырнадцатом году великую бойню, с применением газов. Цель та же: освободить темный русский народ от погрязшего в грехах и скверне царя. За одно уж помочь россиянам переменить веру, перейти в лоно римско-католической церкви. После чего в мире наступит вечное благоденствие и взаимопонимание.

А перед тем (пару столетий назад) к России неудержимо льнули рыцари-добродее. Еще раньше желали осчастливить Московию своим присутствием поляки вкупе с литовцами. О том же помышляли некогда и турки. Были и другие охотники поживиться насчет русских земель. Завоевателям казалось: Россия-де плохо лежит. Стоит лишь руку протянуть и...

Ежели отбросить частности, Европу сильно раздражала «русская идея», о чем без обиняков, во всеуслышанье сказал Федор Михайлович Достоевский. В чистом виде она такова: община в сочетании с библейскими постулатами коммунизма. Православную схему общественного мироустройства западные иерархи и ихние менеджеры в принципе не признают. Она якобы не гарантирует свободы и широких гражданских прав цивилизованным людям.

Все это не более как лабуда, а научно – демагогия. Перевоспитать русских на жесткий европейский СТАНДАРТ, все равно, что пытаться сделать (по украинской поговорке) «из карася поросю». Да и к чему, зачем менять нам свой характер, душу свою в угоду мировому сообществу? Коль на то пошло, мы могли бы кому-то выставить встречные предложения на счет того же, скажем, мен-та-ли-те-та. Тем более что спор о правах человека не имеет границ. Это как космос, как галактика – они не токмо бескрайние, но и постоянно расширяются. Потому регламентировать что-то в вопросах пресловутых гражданских прав даже «мировому правительству» не подручно и не подсудно. Сие выше его компетенции. Вообще, лежит за пределами человеческих возможностей. Короче, дело божеское.

В соблазн же легко впасть. Да сгоряча таких дров наломать, что потомки потом долго будут золу разгребать, пока докопаются до истины. Тому примеров тьма. Недавно святой отец католиков Павел Иоанн II испросил у мусульман прощение за великие «крестовые походы», предпринятые, как когда-то толковали, ради благой цели – отнять у неверных гроб с телом Господа нашего Иисуса Христа. Под это «правое дело» много разных мерзостей и глупостей было наворочено. И вот девять столетий спустя талмудисты Ватикана пришли к сакраментальной мысли: то была, дескать, историческая ошибочка. Немного погода формулировку уточнили: действие известное было спровоцировано самим дьяволом. И довольные умыли руки! А чего оно, то действие стоило? Сколько кровушки человеческой на земле святой было пролито, – одному лишь Богу ведомо. И тут самое время вспомнить великий завет русского философа-гуманиста: «Социальные потрясения не стоят одной-единственной слезинки ребенка».

На фоне сказанного, как воспринимать злодейства военщины в Югославии и недавнее кровопролитие в Ираке. Теперь же выясняется, что и формального повода для операции «Шок и трепет» у США не было. Страхи и последующая за тем истерика, будто Саддам владел ядерным и химическим оружием, – не более чем миф. Коварная выдумка Буша и Тони. Хотя честные политики не сомневались зачем американские авианосцы взяли курс в акваторию Персидского залива.

И вот прекрасная страна повержена, лежит в руинах. Зачинщики великой авантюры в свое оправдание бормочут нечто невнятное. «Нас неточно информировали, нас подставили, ввели в заблуждение». Как обычно, стрелочник виноват!

По кодексу чести джентльмены в подобных случаях обязаны, как минимум, открыто признать свою ошибку, принести миру извинения и уйти в отставку. А что мы видим, что слышим? Детский лепет: «Иракский диктатор бяка. Людям в его стране плохо жилось. И вообще у них нарушались права человека».

Агрессор нынче нагл как никогда. Прет напролом. Ничто его не сдерживает, не настораживает, ибо мир стал однополярным. Не на кого оглядываться. Советский Союз сошел с международной арены. Америка, по сути, одна правит миром. Произвол же, учит история, до добра не доводит, нет. Тому есть уже тревожные симптомы. Причем не только по кодексу международного права. Сильные мира сего ставят себя превыше общечеловеческих законов: гnevят небо, а сатану тешат. Да что закон! Ради корысти первое лицо государства способно нарушить обет, даже совершить клятвопреступление. До сих пор стоит перед глазами сцена, достойная пера Шекспира: Билл Клинтон клянется в конгрессе США, обвинявшего своего президента в порочной связи «канцелярским способом» с Моникой Левински. И то была наглая ложь, которую святой не назовешь. Целый год политическая жизнь Америки вертелась вокруг мужского достоинства хозяина Белого дома. В конце же фарисеи-краснобаи до такого неслыханного цинизма договорились: ради блага Америки разок-другой можно и солгать.

Невольно напрашивается аналогия. Кабы этак опростоволосился кто-либо из первых (или даже вторых) лиц нашего государства за все годы существования СССР. Можно не сомневаться: этого «факта» хватило бы на сто лет улюлюканья и свистопляски по всем каналам СМИ, во всех форматах. Ведь сколько грязных сплетен о Ленине, Сталине и их соратниках пущено в

оборот бессовестными борзописцами. И по сей день смакуют политическую жвачку, захлебываясь слюной: шустеры, Черкизовы, бабицкие и иже с ними «властители дум».

Дожив до седых волос, я только теперь понял: с демагогами и талмудистами спорить бесполезно, бессмысленно. Убаюкают, опутают, заморочат лживыми словами.

Недавно в открытом эфире два теолога вскользь коснулись затасканной темы. Они убеждали друг друга: сатанинские походы на святую землю были исторически оправданы, ибо способствовали распространению цивилизации. И вывод: все, что переживает теперь Россия, пойдет стране и народу на пользу.

Сказано было без обиняков. Политологи из разношерстного лагеря демократов ту же самую мысль выражают витиевато, впрочем, с глубоким подтекстом. Да, Россия велика, богата, прекрасна, однако недостаточно ци-ви-ли-зо-ван-на. Потому россиянам много чего надо перенять у Запада. Таким образом подкорректировать (читай: облагородить) свой корявый менталитет. Особенно по части гражданских прав. С чем у нас (после семнадцатого года) неблагополучно.

Воззрения, мнения, вкусы у людей разные. Русский ведь как рассуждает: «Одному нравится поп, другому – попадья, а мне – попова дочка». Или еще того же разбора: «Кому-то по душе жареные огурцы, иному же соленые яйца». Коль уж на то пошло, по части свобод дадим мы сто очков вперед любому правозащитнику европейского, тем более американского пошиба. А ежели кто вознамерится ставить вопрос ребром или выступать с позиций силы, то мира и согласия меж вольными людьми никогда не будет.

Почувствовав нашу слабину, «доброжелатели» России подняли вверх указующий перст и учат нас правилам хорошего тона и азам человеческого общежития. Сильно напоминает это известный сюжет крыловской басни. Ягненок нарушил права кровожадного хищника: взбаламутил «своим нечистым рылом» питье в ручье. Последовал жесткий ультиматум, хотя по всем предъявленным обвинениям Ягненок был прав. Спор у ручья грозил затянуться до бесконечности. Господину Волку надоела пустопорожняя дискуссия и была произнесена сакраментальная фраза: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» И от слов перешел к делу. В темный лес Ягненка уволок.

Я обращаюсь не к господам, а к товарищам: «Вам эта ситуация о чем-то говорит? Что-то напоминает?»

В вопросах гражданского права нам перед «цивилизованным Западом» ни во век не сравняться и не оправдаться. Особенно в нынешнем нашем ягнячьем положении. В конечном счете, дело не в правилах и не в этикете. Вопрос в другом: как великая держава дошла до нынешнего своего убогого состояния? Когда-нибудь историки во всем досконально разберутся и вынесут вердикт. Ну так поможем ученым мужам по мере возможности, пока мы, свидетели и очевидцы, топаем еще по родной земле. Пусть каждый станет в своей келье Пименом на общественных началах. Многие из нас ведь были если не свидетелями, то соучастниками рукотворного катаклизма. Наши показания пригодятся не только ученым, но и слугам Фемиды, когда они вместе явятся на честный суд народов. Возможно, он опять состоится в Нюрнберге. Впрочем, не исключено и любое другое место на планете. Предположительно: Страсбург, Огре, Тирасполь, Беловежье, Богучар, Крыжопль, Белград. Хочется верить, что случится это до наступления Страшного Суда. Итак, за работу, господа, друзья, товарищи.

ЛИТУРГИЯ С КУЛАКАМИ И КАЙЛАМИ

Я видел изнутри, как закипала «великая Молдавская революция».

После долгого отсутствия посетил край, где прошла юность и первая молодость. Была долгосрочная командировка от «Труда». Собственный корреспондент по Молдавии Петр Рашков в связи со сложной болезнью взял долгосрочный отпуск. Я прибыл на подмену.

Как обычно, на новенького косяком повалили ходоки, кляузники, жалобщики, правдоискатели. Пришлось распутывать заскорузлые житейские узлы и закруты. Участвовал я и в политической жизни республики. По ходу дела восстановил старые связи, завел новых знакомцев. Даже друга нашел в лице настоятеля храма св. Прасковьи Петри Бубуруза. Поразила меня в нем глубокая, до фанатизма религиозность в сочетании со светскостью. Что, собственно, и подвигло малоизвестного священнослужителя на политическую борьбу. В итоге, достался мандат депутата Верховного Совета СССР образца 1989 года.

Встречались или у меня в гостинице, или неподалеку в храме, что стоит наискосок от площади Котовского. В рассуждениях о делах мирских и божественном промысле коротали вечерние часы. Однажды только расположились в пределе (комнатушка обочь алтаря), не успели откупорить заветную бутылку «Негру де пуркар», в дверях появился послушник. Отвел благочинного в сторонку, что-то на ухо прошептал.

– В кафедральном соборе вот-вот начнется служба! – воскликнул о. Петря. – Это неспроста.

За считанные минуты домчали мы до центра. И попали, что называется, из храма в храм.

Молдову захлестнули политические страсти. Сходки, митинги, крикливые собрания были обычным элементом столичной жизни и захолустных уголков. Народ бурлил, гневался, спорил, думал, молился.

Кафедральный собор до последнего времени выполнял роль музея. Теперь в экстренном порядке шла его реконструкция. Каменная громада и снаружи, и изнутри была в строительных лесах. И кому-то же пришлось в голову использовать не готовый для богослужения храм для религиозного действия да еще с политической подкладкой.

День же был достопамятный: круглая дата присоединения Бессарабии к СССР. Событие традиционно считалось великим и радостным. Теперь историческое значение сего факта перечеркнули, переиначили. На улицу просочились слухи: в Верховном Совете Молдовы при закрытых дверях, без доступа прессы несколько часов кряду дебатировался скользкий вопрос: как трактовать дату 28 июня? Дошло до мордобоя и рукоприкладства. Перед заходом солнца чаша весов качнулась вправо. Тут-то и явилось «эпохальное» (кто-то назвал его «нахальным») заключение: акты царского правительства (1812 года) и советской власти (1940 года) представляют собой аннексию Бессарабии Россией. Потому 28 июня объявили днем национальной скорби. В пожарном порядке и собрали печальную литургию. Неубранный (в строительных лесах) храм сиял от множества свечей метровой длины и миниатюрных огарков. Своды содрогались от великолепного хора. «Боже, прости нас, грешных. Наставь на праведный путь заблудших», – доносилось с горных высот.

Вдруг я почувствовал у локтя чье-то прикосновение. Незнакомец с поклоном протягивал стакан розового вина. В другой руке была салфетка с порцией куты, по-молдавски «колида».

– Пофтим, драгэ мя. Фиць сэнэтош!¹

– Спасибо. А за что пьем?

– За страждущих.

¹ Прошу, друг. Будем здоровы! (молд.)

После причастия раздавали церковные дары. Ароматный, увесистый, кило на три калач (да к тому же еще с горящей свечой) достался и мне. Я не знал, что с ним делать. На паперти встретил о. Петрю: от его ковриги самая малость осталась. Я же боялся красоту нарушить. Хотя, по заповеди, хлеб насущный дается человеку не только для собственного пропитания, а и для того, чтобы делиться с ближними. Я погасил свечу, положил в боковой карман. Калач же стал ломать на куски и раздавать налево и направо. Мои дары принимали учтиво, с поклонами. Было приятно.

Ритуальным шагом пересекли соборную площадь. Возле арки Победы стоял наш автомобиль. Шагов пятьдесят осталось. Вдруг послышались крики, раздался топот, грохот. Пока мы пробивались сквозь толпу, выяснились кое-какие подробности. Во время богослужения к бело-мраморному сооружению (монумент был воздвигнут в 1846 году) подкатил микроавтобус. Из него вывалилась дюжина молодчиков, вооруженных зубилами, кайлами, молотками. Откуда-то взялась складная лестница. На глазах многочисленных зевак «неизвестные парни» с ловкостью акробатов взобрались на верхотуру и принялись крушить белоснежные плиты с текстами приказов главнокомандующего по случаю освобождения столицы Молдавии от немецко-фашистских захватчиков.

Могучий монумент в считанные минуты оброс грудami битого камня. Кто-то попытался было помешать вандалам. Я тоже рванулся защищать национальную святыню. Но меня опередили. Отец Петря визуально вычислил их командира и, размахивая широченными рукавами подрясника, бросился на громилу, аки воробей на вепря. Поначалу бой складывался в нашу пользу. Однако силы были слишком неравные. Вокруг протоиерея образовалось плотное кольцо боевиков, и друг мой правильно сделал, что ретировался. А в это время за неравной схваткой спокойно наблюдали блюстители порядка.

– Их тут целая шайка, – задыхаясь, говорил о. Петря. – А главное, эта безумная акция, как я понимаю, согласована с руководством Народного фронта. Возможно, что ими и инспирирована, – добавил он с горечью. – Позор на всю Европу!

От вынесенного из храма благодатного настроения не осталось и следа. Мне тоже подумалось: кто-то нарочно решил совместить божественное и сатанинское.

На память об «эпизоде» выбрал я из кучи щебня небольшой осколок. Он теперь у меня всегда на рабочем столе, перед глазами. Сохранилась и свеча о той политлитургии. Зажигаю ее всякий раз, когда сажусь писать эти заметки.

ЦВЕТОЧНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ

Разлука обостряет чувства. Всякая мелочь бросается в глаза и дает пищу для размышлений.

На общем фоне уже ставшей привычной дороговизны, в Кишиневе тем летом были баснословно дешевы цветы. За трояк купил я букетище пурпурных роз метровой длины. Когда же поделился рыночными впечатлениями со своей школьной учительницей Анной Никитичной Поповой, наставница, со свойственной ей рассудительностью заметила:

– Радостей в жизни мало. Потому и спрос на цветы упал.

Еще поразила такая деталь: с лица южного города исчезла улыбка. Кишиневцы по натуре своей общительны, добродушны, склонны к юмору, как и их соседи – одесситы. Это всегда помогало моим землякам превозмогать невзгоды, побеждать зло. Еще у молдаван есть дар от Бога: искусство обретения друзей. Во все века земля эта была притягательна не только для супостатов, но и для обездоленных, гонимых. Всем хватало места. С полуслова, с одного взгляда люди понимали друг друга. Улыбка опережала приветствие. Каково же теперь было видеть Молдову угрюмой, насупленной.

В одну из встреч о. Петря поведал мне притчу о вавилонском столпотворении. В Библии я, как и многие мои сверстники, был неискушен. И вот каким предстал один ее сюжет в изложении священнослужителя.

Жители сказочно богатого Вавилона, обуянные гордыней, задумали удивить мир: построить башню до небес – таким образом сравняться с Богом в могуществе. Поначалу дело спорилось, что было неудобно и неприятно Всевышнему. Но он не стал тратить силы на разрушение уже порядком взметнувшегося в высь объекта, а просто взял и смешал языки зодчим, тем самым лишил их средства общения. Люди перестали понимать друг друга. Работа застопорилась. Строители разбрелись кто куда. Ну а башня в конце концов сама разрушилась. Следов от нее не осталось.

– Кабы чаще люди заглядывали в Священное писание, жили бы проще и были бы счастливы, – сделал вывод святой отец.

Спустя тысячелетия, нечто подобное случилось и в благословенной Молдове.

За два года до описываемых событий в Кишиневе в филологической и писательской среде, а вскоре на городских митингах стали поговаривать о необходимости проведения языковой реформы. Вопрос стоял радикально: пора-де отказаться от затрудняющего общение славянской азбуки (кириллицы) и переходить на искорененную административно милую латиницу. Следом возникла дворово-уличная дискуссия о том, что государственный герб и флаг тоже не соответствуют менталитету нации. Подвергалась критике и топонимика. Невесть откуда взявшиеся умники требовали переменить названия улиц, поселков, городов и целых регионов. Власти будто того и ждали: поднялась волна переименований. Сбились с ног почтовики. По сему поводу даже ЮНЕСКО выразило озабоченность. При всем при том никто не мог взять в толк: зачем все это надо?

На митинге возле Вечного огня на площади Победы слово попросил забредший в столицу колхозник. Типичный молдаванин: в бараньей кучме, в овчинной телогрейке, перепоясанный красным кушаком. И по сути то была не речь, а крик души:

– Чего вы тут, ребята, распушились, как молодые петухи. Что-то вы не того! Что-то у вас тут не так. Кричите сильно и много, а что-то не договариваете. Причем тут лымба (язык)? Зачем вам триколор потребовался? Не морочьте, ребята, нам головы. Прямо скажите: чего хотите?

Оратору не дали высказаться. Какие-то молодцы столкнули селянина с трибуны. У микрофона возникла потасовка, которая переросла в национальную борьбу – трымбу.

Простые люди кожей, как говорится, чувствовали: с ним поступают как со стадом. Под шумок куда-то загоняют, откуда уже не будет выхода. Из Молдавии в Москву – в редакции газет, журналов, на ТВ – сплошным потоком шли слезные жалобы, гневные письма с единственной просьбой: принять меры и навести, пока не поздно, порядок.

В сознании растревоженного народа жила блаженная мысль: верхи не знают, что делается в низах. Как бывало в старь (от царя-батюшки), так и теперь (от генсека) гады чиновники скрывают правду-матку.

Из кричащего потока писем взял я одно, адресованное М. Горбачеву. В редакцию газеты «Труд» его спешно доставил фельдкурьер из Кремля, с резолюцией члена президентского совета Г. Ревенко. То было не письмо, а форменная петиция, ее подписали 829 человек. Письмо сохранилось в моем архиве. Оно длинное, привожу всего две странички.

«Многие из нас прибыли в республику в послевоенное время в качестве учителей, преподавателей вузов, техникумов. Было также много медиков, специалистов-аграрников, сотрудников госучреждений. Молдавия приняла нас радушно, по-братски. И то была едва ль не лучшая награда за все трудности и невзгоды.

В то время, в силу известных причин, своих кадров, на уровне современных требований, в республике было мало, буквально единицы. Потому и делопроизводство велось в основном на русском языке. Молдавским больше пользовались в быту. И никто нам это не ставил в вину, в упрек. Прошли десятилетия. Изменилось общественное сознание. За это время республика крепко встала на ноги. Стала цветущей не только в стихах и песнях. Соседняя, через реку Прут, страна Румыния ни в какое сравнение не шла с Молдавией. Мы своими глазами видели тамошнюю жизнь. Румыны к нам ездили отъедаться и одеваться! Но последнее время у нас в республике чувствуется «нестроение», беспокойство. Словно нехорошая муха укусила. Выпер и стал чуть не главным вопрос о суверенитете. Можно подумать, что, став независимыми, мы разбогатеем и станем здоровее.

И все же русскоязычные граждане с пониманием восприняли новые веяния, в том числе и в специфических вопросах лингвистики. На языковой почве в Молдавии возник большой шум, он разрастается, разрастается. На некоторых предприятиях развернулась оголтелая политическая кампания: не говоришь по-молдавски – освобождай место! Вокруг этого болезненного вопроса плетут интриги, идет подсиживание. Кое-кто откровенно дурит. У некоторых со дна поднялась всякая муть, всплыли старые обиды. Стало модно делать карьеру на так называемой «пятой графе». Запахло жареным. Русские, украинцы, евреи бегут из Молдавии куда глаза глядят.

Особенно беспокойно русским. Нас можно безнаказанно оскорблять, унижать прилюдно, в присутствии детей. Не приведи Бог ответить! Провокации на каждом шагу. На дверях наших квартир и почтовых ящиках начертаны знаки «Али Бабы». Открыто говорят о готовящемся истреблении русских. Ведется подлая работа, направленная на разрушение смешанных браков. Считаются неполноценными, даже позорными те семьи, где муж и жена не единой крови. Местные националисты жонглируют словом «оккупант» как хотят – даже в печати, на радио, ТВ.

Товарищ Горбачев! Возможно, наша мысль покажется вам странной, но мы, живущие у западной границы Советского Союза, видим: дело движется к расколу великой державы. Для того захватчикам и не надо вторгаться в наши пределы. Достаточно перессорить меж собой советских людей в национальном вопросе. Потом можно одну шестую часть мира брать голыми руками. Признаком неблагополучия в стране стали беженцы. Многим гражданам уже не дорога судьба Отечества. Люди бегут вон. Всяк спасает свою шкуру.

Михаил Сергеевич, страна в опасности!» Подписи.

ИСПОВЕДЬ «ОККУПАНТА»

Главный редактор «Труда» А. С. Потапов перед поездкой в Кишинев напутствовал меня: – Разберись-ка там. И для газеты черкни что-нибудь вкусненькое. Ведь ты, как нам известно, немного молдаванин.

Не совсем так. Однако Молдавия для меня не пустой звук.

Родители мои переехали на жительство в Молдавию в 1948 году. Не карьеры ради и не в погоне за длинным рублем. Было специальное постановление СНК (Совет народных комиссаров), призывавшее специалистов народного хозяйства помочь наладить жизнь в освобожденных районах.

Не знаю, по какому принципу шел отбор кандидатур среди ветеринаров, помню только, однажды отец пришел домой возбужденный. Мама была категорически против переезда. Жили мы по тому времени неплохо в тихом городке Богучаре, что в Воронежской области. Имели свой домишко, небольшую усадьбу при нем. Корову держали. Мечтали о садике. Он был уже посажен, готовился плодоносить. О том было много разговоров.

Новый сад посадили в Комрате.

После среднерусского пейзажа полупустынный вид Буджака наводил уныние, тоску. В речушке Ялпуг вода соленая, негодная для полива. Искупаться и то негде. Зной ослепительный. Пыль пронзительная. Мама тайком плакала. На людях же подтрунивала над отцом: такой бесхарактерный! Не мог противостоять начальству.

Мало-помалу обвыкли, притерпелись, приспособились. Потом пришла пора открытия красот, постижения радостей. Оказалось, здешняя земля чутко реагирует на прикосновение человеческих рук. Небольшой клочок земли давал нам основное пропитание; мы имели с него все, кроме хлеба. Когда же вошли в силу сад и два десятка виноградных лоз, вовсе перестали ходить на базар. Научились делать свое домашнее вино. Я не знал дела лучше, чем копать в огороде.

По окончании рабочего дня отец занимался иногда частной практикой. Ездил по вызовам в индивидуальный сектор. В таких случаях требовался подручный. Отец брал меня с собой в качестве ассистента.

Запомнилась поездка в Дезгинжу. У тамошнего крестьянина бодливая корова распоролла бок его буренке. Рана загноилась, зачервивела. Животное уже не подымалось. Вопрос стоял так: сразу прирезать или немного подождать.

Засучив рукава, по всем хирургическим правилам мы обработали рану. Сделали прививку, ввели полуторную дозу редкого тогда пенициллина. Когда опасность миновала, и мы собрались в обратный путь, подошел хозяин. Переминаясь с ноги на ногу, промямлил:

– Простите, товарищ доктор, мне нечем отблагодарить вас, – почесал затылок и добавил: – Могу предложить свою дружбу.

Отец сказал: плату ни с кого не берет, только у государства. Что касается дружбы, принимает с великим удовольствием.

Об отцовской частной практике узнало начальство. Начались вызовы, дознания, очные ставки. И до меня добрались. На ученическом совете обсуждался вопрос: «О потере Н. П. политической бдительности». За меня заступилась классный руководитель Анна Никитична Попова.

Трудно сказать, чем бы дело кончилось, кабы не выборы в Верховный Совет СССР. В связи с избирательной кампанией в Комрат прибыл известный молдавский поэт Емелиан Буков. Между прочим, он занимал в республике видный пост, был заместителем председателя Совета министров.

В городке гостиницы не было, и Емелиан Нестерович остановился в доме первого секретаря райкома партии, то есть у Поповых. Ради такого случая хозяйка устроила званый обед, на который и меня пригласили как начинающего стихоплета.

До стихов, к счастью, дело не дошло, зато меня втянули в разговор. Я поведал знатному гостю о случае в Дезгинже. Буков хохотал до слез. Успокоившись, пообещал разобраться. И не позабыл. Нашу семью оставили в покое. Но случившееся странным образом отразилось на судьбе единоличника по фамилии Костанжогло. Узнав о неприятностях отца, он в знак солидарности подал заявление о вступлении в только что образовавшийся колхоз.

Я не питаю иллюзий, будто коллективизация в Молдавии являла собой триумфальное шествие. Даже мы, подростки, тоже кое-что понимали. Была и разверстка, было и соревнование за широкий охват, и превышение власти, и слезы, и стенания. Административная машина прокатилась по молдавским селам тяжелым катком. Но справедливо ль теперь всю вину – да задним числом – валить на головы пришедших Добродеев из России? Многие из них сами оказались меж жерновами. Положа руку на сердце, скажу: не стремились наши «оккупанты» в Молдавию, как иные колонизаторы в Эльдorado.

ПАЧЕ ЧАЯНИЯ

Неуютно было и моим коллегам в Молдавии. На журналистов из Москвы поглядывали с опаской. На прием к вельможам не пробиться. Без протекции не попасть.

Во время богослужения в кафедральном соборе Петря Бубуруз познакомил меня с председателем Народного фронта Молдовы Ионом Ходыркэ. Меня осенило:

– На днях у вас съезд. Как бы поприсутствовать и уловить настроение народа.

Шеф переглянулся с молодым человеком из свиты и кивнул:

– Будет вам пропуск.

Так, паче чаяния, я оказался единственным представителем центральных СМИ на съезде уже поднявшейся в полный рост оппозиции советской власти. Без аллегорий и намеков докладчик Ходыркэ торжественно провозгласил: «Перемена письменности и государственной символики – только начало борьбы „перестроечных сил“ долговременной программы». И добавил: «Лед, господа, тронулся! Но расслабляться нельзя. Впереди задачи посложнее». Конкретизировать, однако, не стал.

За него это сделали другие. Криливо, истерично говорилось о великой миссии Народного фронта, который уже готов вести массы туда, куда надо. Походя поносили тех, кто не приемлет схемы переустройства Великой Молдовы. На первом этапе республика должна во что бы то ни стало воссоединиться со своими кровными братьями по ту сторону Прута. А ведь всего лишь год назад крикливая братия мечтала «всего лишь» о родной латинице, о триколоре, о свободном хозяйствовании на своем рынке. Теперь же аппетиты аж вон как разыгрались.

Это была уже не только новая фразеология, а совершенно иное мышление. Местные (аккредитованные) журналисты были ошарашены такими «тезисами». Республиканские и центральные СМИ ограничились маловыразительными информацией. Отличилась газета «Труд». Над моей сорокастрочной заметулькой стоял многозначительный заголовок «Туман рассеивается». Эту фразу тут же подхватили на Би-би-си.

Туман, действительно, начал рассеиваться. Отчетливо проступили контуры новых политических конструкций явно атлантического типа. Уже не таились, вышли из тени и из-за кулис монтажники и их дипломированные конструкторы. В этом театре абсурда режиссировали штабисты Народного фронта Молдовы.

Родившись на волнах демократических настроений, НФМ был поначалу окружен романтическим флером. Помните горбачевский лозунг: «Социализм с человеческим лицом!» Так вот молдавские революционеры носились с ним как с писаной торбой. И вдруг из-под улыбающейся маски простака блеснул хищный оскал. Что за метаморфоза! Да никаких чудес не было и нет. Просто господа «актеры» сбросили художественную личину, за ней открылась собственная кожа и бандитская рожа.

Даже бывалые газетные «киты» не могли распознать: где игра, а где чистая натура. Да и не было никакой чистоты. Похожее нынче часто практикуется в футболе: противоборствующие команды заранее договариваются за кулисами о результатах «принципиального» матча. Но это цветочки в сравнении с тем, что творят политики. Не раз бывало, когда в соответствии со сценарием, после потрясающих воображение публики на каком-то митинге, после захватывающих сцен борьбы перед телевизионными камерами и драчек в парламенте, «противники» через час-другой оказывались за «круглым столом» охотничьего домика, где подмигивая, отмечали удачно проведенное публичное «мероприятие» за бокалом крепкого «чая». Что было, то было.

В Кишиневе открыто рассказывали, будто бывший первый секретарь ЦК компартии Молдовы Петр Лучинский и его кровный супротивник Мирча Снегур, сидя в салоне одной милицейской машины, с интересом наблюдали за ходом скандального митинга на площади Сте-

фана Великого. Спокойно, со знанием дела комментировали и обсуждали происходящее на их глазах политическое действо.

Впрочем, есть и документальное свидетельство. Находясь под впечатлением только что закончившегося съезда НФМ, член координационного совета молодежных организаций республики С. Букэтару сказал корреспонденту «Молдова-пресс»: «У меня, как и у многих участников этого шумного мероприятия, такое впечатление, будто присутствуешь на партийном форуме лучших застойных лет. Было бы неудивительно кое-кого из них увидеть на сцене, в президиуме наших вчерашних кумиров. Возможно, кое-кто и был в это время за кулисами».

Своей программой народный фронт вызвал замешательство среди всех слоев общества. Посему первый президент республики счел необходимым выступить по телевидению и заявить, что решения НФМ чреваты взрывоопасными последствиями. Да тут же и подсластил пилюлю, добавив: идеи лидеров народного фронта, возможно, опережают уровень мышления большинства рядовых граждан. Эта «гибкость» в конце концов и подвела соглашателя. Мирча сам стал жертвой оборзевших политиканов в масках, они же его вскоре и столкнули с авансцены в оркестровую яму. Остался он в памяти народа как жалкий фигляр.

Но все это произошло позже. Пока же начальство из кожи вон лезло: делало вид, будто ничего особенного в республике не происходит, идет нормальный перестроечный процесс. И поминутно твердили: не стоит-де драматизировать ситуацию, ибо стоящие у руля целиком контролируют положение и в любой момент способны выровнять крен корабля. Выходило даже так: этот «крен» предусмотрен, он необходим. Ну а курс, он остался, дескать, прежний: социалистическая направленность в составе Советского Союза. Но по выражению лица, по косящим во все стороны глазам, по движению рук чувствовалось, что «товарищи» блефуют, лгут, изгаляются.

Интересно было узнать, что же все-таки на уме у первых лиц. Я предпринял несколько попыток к сближению – пустыми были хлопоты. Пришлось пустить в ход старые связи.

Во властных структурах большим авторитетом пользовался мой однокашник, писатель Георгий Маларчук. Много лет он работал собственным корреспондентом «Литгазеты». Узнав, что я в Кишиневе, Георгий Павлович сам предложил:

– Не стесняйся, чем смогу – помогу. Чиновник ведь нынче не только хитер, но и сильно труслив.

Протекция подействовала, как волшебное «сим-сим». То я домогался чиновников, а тут они стали охотиться за мной.

Утром в гостиничном номере раздался телефонный звонок:

– Это из приемной господина Пушкаша. Виктор Степанович хочет с вами познакомиться в удобное для вас время.

Пушкаш был заместителем председателя Верховного Совета республики, правая рука Снегура. Общение с деятелем такого уровня помогло бы мне распрямить много вопросов. Когда же я вышел из кабинета этого чиновника, где провел более двух часов, вспомнил поговорку древних: «Язык дан нам для того, чтобы скрывать свои мысли».

Встреча была обставлена наилучшим образом. Мы сидели в комнате отдыха – боковушка, расположенная позади служебного кабинета. Низенький банкетный столик ломился от бутылок, среди которых царственно выделялась пузатая бутылка с коньяком «Дойна». Деликатно было сказано, чтобы я не пользовался диктофоном, дабы не затруднять откровенному обмену мнениями. Блокнот – это, пожалуйста!

Передо мной приоткрыли завесу. Дали возможность заглянуть в преисподнюю жреца, где происходят невидимые для посторонних (верующих) таинства. Поразила не столько сама аппаратура, как объяснение механизма взаимодействия приводных ремней, кое-каких пружин, винтиков.

Вот что удалось занести в блокнот.

Маленькая Молдова находится отнюдь не в вакууме. Как ни грубо это звучит, она часть общей системы, придаток ее, но с важными функциями. Скажем так: гормональный придаток. Да, он мал, тем не менее играет важную роль в живом организме. При всем том Москва – как было прежде, так и теперь – продолжает управлять самосознанием маленького народа. Чтобы мысль не показалась схоластической, «тамада» ее несколько подкорректировал.

– Нас всегда угнетало, что природные ресурсы, экономический потенциал Молдовы неадекватно растранижировались, в то же время сам народ бедствовал. Грубо попирались его гражданские права. Мы отстали от цивилизованных стран. Нам удалось наконец провозгласить самостоятельность предприятий. На повестке дня – установить независимость Советов, как органов народного самоуправления. Наш лозунг: «Государство – для человека».

Пушкаша несло. Мне никак не удавалось встрянуть в монолог с вопросом, который занозой сидел в башке. Но вот, кажется, момент пойман:

– Надо думать, центр и теперь не оставляет вас своим вниманием?

Виктор Степанович был упоен собственным красноречием, словно глухарь на току, собственной песней. Наконец поднял на меня затуманенный взор:

– Наше общение с Москвой развивается в плоскости согласования тактических действий. Без этого пока нельзя. Мы переживаем очень сложный этап. А уж потом разумеется и будем жить как добрые соседи: душа в душу.

Неторопливо положил на губу край рюмки, втянул в себя содержимое.

– С москвичами постоянно общаемся. Перезваниваемся. Наведываемся друг к другу с взаимными визитами. Вчера только дважды разговаривал с Гавриилом Харитоновичем. Сейчас только, перед вашим приходом, на проводе был Бурбулис. Связь с Москвой постоянная, неразрывная, – закончил со значением.

– Контакты – хорошо. Значит, с пути не сойдется. Ну а когда же придет время сбора плодов?

Вопрос Пушкашу определенно понравился. Он бросил на меня благодарный взгляд.

– Дайте хотя бы лет пять для разгона.

Я был щедр как начинающий пижон:

– Даю семь А то и все восемь.

Визави ослабилась.

– Условия принимаются. Жду вас в Кишиневе в 1998 году.

Пари скрепили рукопожатием. Впрочем, оно не имело продолжения. В прошлом году я стал наводить справки: где теперь господин Пушкаш? Никто не мог дать определенного ответа. Для многих это имя вообще ничего не говорило. Вот так бесследно исчезают пламенные революционеры.

К числу памятных можно отнести и встречу с последним председателем Кишиневского горсовета Н. Х. Костиным.

На сей раз меня приняли без протекции, по первому же звонку. Обстановка в кабинете была камерная. Полупустая комната имела вид нежилой, когда жильцы уже съехали или уже готовятся к экстренному отъезду.

Не церемонясь, хозяин попросил убрать не только диктофон, но и блокнот. Да еще и со своей стороны принял меры предосторожности. Проверил, крепко ль прикрыта дверь. Вырубил связь. Для чего повернул телефонный диск и в гнездо вставил спичку. Тем самым исключил возможность подслушивания.

Сразу выяснилось: с Николаем Харитоновичем мы однокашники. Точнее, нас разделяли пять лет. Оказалось, что Костин знаком со мной по газетно-журнальным публикациям. Признаться, мне польстило, когда услышал от мэра Кишинева, что, читая мои статьи в журнале «Коммунист», готов был рядом с моей фамилией поставить и свою. Значит, встретились единомышленники. И я, не церемонясь, спросил напрямик:

– Куда же Молдова путь держит?

И услышал в ответ мнение человека здравомыслящего, лишенного всякой предвзятости:

– Молдавия никуда идти не хочет. Ей и так хорошо. Но ее тянут, как в той песне: «Дан приказ идти на Запад».

Хозяин кабинета на всякий случай скосил взгляд на телефон:

– Но ведь народ в ту сторону идти не хочет. Его мнения и не спросят. И никакого референдума не будет, хотя о нем кричат едва не на каждом шагу. Не будет, потому что как огня боятся.

Я повторяюсь, но это необходимо. Именно интеллектуальной элите принадлежит западная идея. О том же говорил и Костин, имея в виду столичных гуманитариев – поэтов, писателей, скурвившихся журналистов, юристов (особенно адвокатов), вузовскую профессуру, историков, философов, литературоведов. Если оставить в стороне высокую материю, митинговые лозунги и красивую (кафедральную) риторику, оказывается, что побудительным мотивом сближения этого края с Западом (читай: Румынией) служит всего лишь желание расширить круг профессионального и культурного общения местных интеллектуалов со своей братией за кордоном. Ну пусть! Но что взамен? Интеллигентным людям не пристало мелочиться. Да и вообще, какие могут быть счета меж братьями. Впрочем, напрямую, открыто об этом не говорят.

Есть для этого случая подходящее слово: жеманство. Точно также рассуждали советские вожди сорок пять лет назад, когда по пьянке, ни за понюх табаку, отдали Крым своим собутыльникам по партии. Кус земли русской стал с тех пор неразменной собственностью суверенного государства. И теперь наши «братья» с кривою ухмылкой говорят: «Накось, выкуси!» Так что за удовольствия родителей всегда дети расплачиваются.

КУДА МОЛДАВАНИНУ ПОДАТЬСЯ?

Костин – юрист, его специальность государственное право. Поэтому хотелось вызнать мнение доки по поводу скандальных слухов о скором воссоединении территорий по обе стороны Прута. Вопрос будоражил мирян: им пугали, им играли, им засерали мозги.

В начале девяностых неопределенность будущего тревожила не только «русскоговорящих», но и коренное население. Особенно тех, кто помышлял или уже занимался предпринимательской деятельностью. Сказано: хозяйство вести – не штанами трясти. Людям от бизнеса важно наперед знать, с кем придется иметь дело: то ли со стабильным государством, готовым постоять за своих сограждан в любой точке земного шара, то ли быть гражданами второго сорта в стране, которая сама еще в раздумье – не знает куда идти.

Николаю Харитоновичу тоже не дает покоя эта занозистая проблема.

– Тут только два пути, – говорил Костин, потирая висок. – Первый – аннексия, отторжение. Второй – плебисцит по поводу добровольного слияния земель. Но я уже говорил и повторяю снова, – борясь с головной болью, молвил мэр, – этот вопрос не будет иметь в народе положительного мнения. Молдаване будут за свою независимость стоять насмерть.

Так рассуждают здравомыслящие. И, разумеется, те, кого всерьез беспокоит судьба родины, а не корысть и не рвачество. Всенародный опрос – реальный шанс сохранить целостность Молдовы, причем в первоначальных границах. Опасение оказаться в стальных объятиях Румынии отпугивало, с одной стороны, гагаузов, с другой – жителей Приднестровья. Никто, даже самые оголтелые радикалы из стана НФМ не сомневались, что 87–90 процентов населения проголосует за полную независимость «царэ» (страны, царства), но отнюдь не в пользу лукавой идеи «всерумынского» союза. Вот чего боялась фронда, присвоившая себе титул «соль земли».

Известно намерение президента Снегура подтвердить независимость республики не большинством голосов скандального депутатского корпуса, а всем народом – поголовно. И потому умолял парламент «как можно скорее принять закон о референдуме». И таким образом определиться окончательно: жить ли Молдове самой по себе или же под протекторатом старшего брата, живущего на правой стороне Прута?

Впрочем, вопрос о старшинстве достаточно спорный. Стаж государственности Молдовы в несколько раз превосходит румынский показатель. Дело не только в примате первородства. У народа крепкая память. Старшее поколение молдаван еще не забыло довоенные годы, прошедшие под эгидой румынской короны. Тяжкое было времечко, не приведи Господи! Попраение гражданских прав, унижение человеческого достоинства было делом обыденным. Полномочными представителями «королевского двора» выступали жандармы всех чинов. Их аргументы стали даже достоянием фольклора. В народных песнях запечатлен бармалейский образ начальника (примаря), которого боялись даже бешеные собаки. Действительно, королевские назначения имели власть неограниченную и пользовались ею безотчетно, как заблагорассудится. Как правило, это обретало форму дикого самодурства. Палка, зуботычина, разорительный штраф, холодная камера и взятка, – вот символы румынской административной машины.

Коренной комратчанин (отец моего друга и соклассника Кости Пеева) бадя (дядя) Костакэ под настроением бывало рассказывал о том, как жилось при румынах. Уличным начальником был у них некто Избындэ – дуrolом, солдафон. Он не выносил не только пререканий, но даже рассуждений из уст своих подопечных. Примарь требовал, чтобы жители околотка при встречах отдавали честь. А на любой вопрос отвечали по-армейски: «Так точно!» или «Никак нет!» К рассуждающим, а тем более к спорщикам Избындэ применял меры административного воздействия, вплоть до ареста или крупного денежного штрафа.

Вот так «по-братски» правили своей провинцией «братья» с правого берега Прута. Продолжалось это до сорок четвертого года включительно. Под сокрушительной мощью советских войск вся эта шушера вместе с гитлеровцами ретировалась на свою сторону. Но, похоже, наследникам примаря Избындэ нейдет. В более поздние времена мне приходилось общаться с гражданами Румынии. У многих осталось представление о Молдове как о чем-то среднем: между сказочным Эльдorado и страной дураков, где цивилизованным господам можно жить не только безбедно, но и от души потешаться (дурачиться) над туземцами.

А молдаване не так и просты. Старшее поколение не забыло старых обид. Колхозников помоложе беспокоит другое: не возвратятся ли в их край те, кто когда-то присвоили себе лучшие земли? Поговаривают, вроде бы те хозяева сохранили старые документы с королевскими символами, которые по сей день не утратили юридической силы. Тревожатся и горожане. Вызывает отвращение жизнь с ощущением гражданской второсортности.

Все это разговорчики на обывательском уровне. С высоких трибун об этом помалкивают. А в душе простолюдинов свербит: «Куда же молдаванину податься?» Ответ может дать только всеобщий плебисцит. Однако мнением народа – с кем и как жить? – никто не интересовался ни в 1918 (когда Бессарабию «подарили» Румынии), ни в 1940-м, когда произошла рокировка в обратную сторону. Все решали политики – не одна кучка, так другая. Между тем, уже летом девяностого года в воздухе носилось предчувствие надвигающей беды. И мой собеседник, ученый-юрист Н. Костин сказал на прощанье:

– Наши политики-невидимки скоро выйдут из подполья. И тогда при свете дня вы узрите многих своих знакомых.

Через день утром я ехал на работу в свой офис (в Доме профсоюзов) и услышал от уличного торговца газетами о гвоздевом материале свежего номера «Коммерсанта»:

– Наш Мирча Друк обещает молдаванам Ольстер и Карабах!

Я купил бульварное чтиво. Бросилось в глаза залихватское интервью премьер-министра. Читаю: «Наши русские братья напоминают мне асовцев в Алжире или белое меньшинство в Южной Африке. Мой им совет: не играть с огнем! Эти люди должны считать за честь для себя здесь жить и работать, а не защищать такие символы, как „серп и молот“. Мы не хотим ливанизации Молдовы и бейрутизации Кишинева. Но молдаване готовы идти до последнего и не отступить. Если же наших объяснений не примут, тогда будет Ольстер или Карабах».

Так вот он, кто исподтишка подхлестывал страсти уличной толпы. От ультиматума к терроризму был один шаг. Сигнал прозвучал (после переговоров с Москвой, о которых говорил Пушкаш). И начались бурные кишиневские страсти.

Погожим майским утром определенного сорта молодежь – только-только тогда входило в обиход слово «боевик» – околачивалась около памятника господаря Молдовы Стефана Великого. Полупьяные, развязные хулиганы задирали прохожих. На площадь вышла из театра группа ребят. Они живо обсуждали спектакль, не подозревая, что своим поведением раздражают демократически настроенных бойцов. Особенно не понравился их компании Д. Матюшкин – рослый, симпатичный паренек, студент технологического техникума бытового обслуживания. На нем и решили молодчики испытать свою силу. Налетели, как коршуны. Били чем попало. Когда поняли, что жертва уже не шевелится, мгновенно исчезли. Несчастного подобрала военная «скорая помощь».

Дмитрий Матюшкин скончался в больнице. Убийц не нашли. Хотя на этом горячем пятачке милиция дежурит круглосуточно. А кого караулят и кого защищают? Горожане уже догадывались, что стражи порядка заодно с боевиками. Этот печальный случай у памятника был тому подтверждением.

Гибель невинного подростка всколыхнула стольный град. В трудовых коллективах, в микрорайонах, во дворах прошли стихийные митинги. Горожане гневно требовали от властей остановить вал преступности. Даже наивные люди понимали, что криминал имел национальную

окраску и определенную политическую подоплеку. Об этом уже не шептались по углам и на кухнях, кричали во весь голос с импровизированных трибун. Но чиновники продолжали свою игру: изображали из себя непонятливых, делали вид, будто вокруг ничего особенного не происходит. Короче, придуривались, тянули резину. Тем самым давали подпольщикам, деструктивным силам время, чтобы организовать и как следует вооружиться. Меньше чем через год «люди Друка» перешли от лозунгов и криков к делу: захватили командные высоты во властных структурах и прямо сходу обрушили боевую мощь на упрямое Приднестровье. Немного погодя пошли «крестовым походом» против ершистых гагаузов. Кровищи с обеих сторон пролито было немерено. А чего добились? Только народ ожесточили.

А казалось, никто не хотел воевать. Но неведомые силы сталкивали мирных людей лбами, и они начинали бычиться. В то же время по эфиру, в печати распространялась оголтелая деза (дезинформация): все зло исходит от «коммуняк». Они-де под сурдинку настраивают массы против демократов, которые хлопочут о благе народа.

В это время как раз и нагрянул в Вулканешты Федор Саркисян со своими присными. Бедолаги еле ноги унесли.

ЗА КУЛИСАМИ

Пока в Буджакской степи шла беспорядочная стрельба «на поражение», а у Днестра говорили пушки, лингвистическая кампания вошла в новую стадию. К делу подключились ретивые администраторы. И погнали по жанру социалистического соревнования. Это означало: в натуре должны быть передовики и отстающие.

Передавали как легенду из уст в уста: директор Орхейской ткацко-галантерейной фабрики Валентина Безменова, до последнего дня она не могла по-молдавски ни говорить, ни изъясняться, что называется – ни в зуб ногой!

Но Валентина Николаевна душой прониклась к новым веяниям, а потому решила наверстать упущенное. Во время отпуска наняла индивидуального репетитора и за месяц овладела румынским языком. Стала наизусть читать Эминеску. На этом же языке стала проводить производственные совещания и летучки. Тем самым подала полезный пример своим подчиненным. Теперь на передовом предприятии забыт русский.

Но были факты иного рода. Крупные неприятности на почве грамматики возникли у генерального директора Кишиневского завода телевизоров В. Трачевского.

Накануне Вадиму Сергеевичу позвонили из приемной Совета Министров, приглашали на экстренное заседание кабинета.

– Я приготовился к серьезному разговору, – делился Трачевский со мной впечатлениями о том визите. – Предполагал, что речь пойдет о вещах серьезных, об организационных и снабженческих неурядицах. Прихватил с собой нужные бумаги, документы. Сiju. Жду. Кабинет в полном составе. За маленькими столиками сидели, насторожив ушки, стенографистки. Меня поднимают и, слова не дав сказать, начали распекать: почему на нашем заводе не изучают грамматику?

Мой собеседник достал тюбик с лекарством. Нервно принял сразу две таблетки.

– Я подумал: это розыгрыш. Сидят свои же мужики, но мелят сущую чепуху. Меня строго предупредили: если отношение на «Альфе» к румынскому языку не изменится. Словом, пригрозили увольнением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.